

Глава VII. Крестьянская кооперация в России

1. Условия возникновения крестьянской кооперации в России

Русская крестьянская кооперация представляет собой нечто весьма своеобразное. С одной стороны, ни в какой другой стране мы не наблюдаем такого стремительного роста кооперативов и числа их членов. Хотя в октябре 1915 г. наша кооперация отпраздновала свой пятидесятилетний юбилей (22 октября 1865 г. был утвержден устав первого в России ссудо-сберегательного товарищества), тем не менее наше кооперативное движение приобрело серьезное общественное значение совсем недавно. Более или менее значительный размах оно принимает только после революции 1905 г. и, таким образом, насчитывает не более десяти лет быстрого роста. Если сравнить число кооперативов в начале века с тем, сколько их имелось накануне революции, то как не поразиться быстроте развития нашей кооперации!

Общее число кооперативов в России

Тип кооперативов / обществ	1 января 1901-1902 гг.	1 января 1917 г.
Кредитные кооперативы	837	16 055
Потребительские общества	600	20 000
Сельскохозяйственные общества	137 (малого района)	6 032
Сельскохозяйственные товарищества	?	2 100
Маслодельные артели	51	3 000
Кустарные и иные артели	—	—
Итого	1 625	47 187

Число членов в этих 47 тысячах кооперативов точно установить не легко. Известно только число членов в кредитных кооперативах, в которых, по официальному подсчету, было к 1 января 1917 г. 10 478 000 членов. Общее число членов наших кооперативов можно было принять к началу 1917 г. в 16 млн. чел. Правда, некоторое число членов участвует

одновременно в нескольких кооперативах, но все же общее число семейств, принадлежащих к кооперативам (как общее правило, от семьи участвует в кооперативе только одно лицо), должно было быть, по всей вероятности, около 14 млн. Принимая среднюю семью члена кооператива около 6 человек (как показали специальные обследования, в кооперативах участвуют преимущественно многосемейные крестьяне), получаем, что всего участвовало в кооперативах около 84 млн. чел., т. е. немногим более половины всего населения России.

И если вспомнить, что все это движение едва насчитывает одно десятилетие своего роста, то достигнутые результаты не могут не показаться грандиозными. По числу кооперативов и членов в них Россия занимает в настоящее время, безусловно, первое место во всем мире.

При этом нужно иметь в виду, что до революции наша кооперация была главным образом крестьянской. Городская кооперация была развита у нас накануне революции сравнительно слабо и охватывала собой не более 6-8 тыс. потребительских обществ и кредитных кооперативов (почти исключительно ссудо-сберегательные товарищества).

Эти удивительные успехи крестьянской кооперации в России кажутся отнюдь не согласующимися с обычным представлением о русском крестьянине как об общественном элементе, не проявлявшем больших способностей к самостоятельности и социальному творчеству.

Однако приведенные цифры не должны приводить к преувеличенному представлению о значении русской кооперации. Мы не должны упускать из виду, что русская кооперация до революции была глубоко отличной от кооперации на Западе.

Западно-европейская кооперация возникла или без всякой помощи государства или же если государство и оказывало поддержку кооперативному движению, то, во всяком случае, не государство ее создавало. Наша кооперация в самой значительной своей части — именно кредитная кооперация — была почти целиком насаждена государством.

Как это будет выяснено ниже, быстрый рост наших кредитных товариществ должен быть почти всецело отнесен на счет деятельности чиновников Государственного банка — инспекторов мелкого кредита. И поэтому грандиозные цифры наших кооперативов не должны были внушать друзьям нашего кооперативного движения слишком много энтузиазма. Очень и очень немногие из этих десятков тысяч кооперативов были действительно кооперативами по своему внутреннему содержанию.

2. Кредитная кооперация

Наибольшее распространение у нас имеют кредитные кооперативы. Из 16 млн. членов наших кооперативов на долю кредитной кооперации приходилось у нас свыше 10 млн. членов.

Кредитные кооперативы у нас двух типов — так называемые ссудо-сберегательные товарищества и кредитные товарищества. Первых к 15 октября 1917 г. считалось по официальным данным 4373, вторых — 12 114.

Хотя ссудо-сберегательных товариществ, таким образом, гораздо меньше, чем кредитных, они возникли гораздо раньше вторых. Кредитная кооперация ведет у нас свое начало от Рождественского товарищества в селе Дороватове, устроенного в 1866 г. Лугининым⁷⁴. Товарищество это было попыткой приспособить кредитный кооператив типа Шульце к условиям русской деревни. Краткая история первых попыток насаждения в России кредитной кооперации будет ниже, в разделе о мелкобуржуазной кооперации. Основной грех этих первых попыток насадить в России крестьянскую кооперацию заключался в том, что ссудо-сберегательные товарищества не были приспособлены к условиям русской деревни уже потому, что они были построены на основе паевого капитала, между тем как при бедности русского крестьянина требование пая делало невозможным участие в товариществе рядового крестьянина. И до настоящего времени ссудо-сберегательные товарищества распространены преимущественно не среди крестьянства коренной России, а среди неземледельческих слоев населения или же на более зажиточных окраинах России. Сильные ссудо-сберегательные товарищества имеются среди еврейского населения, затем в Королевстве Польском и в Прибалтийском крае. Главная же масса крестьянских кредитных кооперативов совершенно иного типа — в виде кредитных товариществ.

Кредитные товарищества созданы у нас законом 1895 г., установившим им тип. Они отличаются от ссудо-сберегательных товариществ в принципиальном отношении: они не имеют паевого капитала и этим воспроизводят в русских условиях тип райффай-зеновского кредитного товарищества. По отношению к вопросу о паевом капитале русские кредитные товарищества стоят даже более строго на райффайзеновских принципах, чем их германский образец, ибо в Германии, как было выше указано, закон не разрешает кооперативов без паевого капитала, почему райффай-зеновские кооперативы принуждены иметь свой паевой капитал, между тем как русские кредитные товарищества действительно никакого паевого капитала не имеют. Откуда же кредитные товарищества в России черпают необходимый все же для начала дела капитал? В Германии первые райффайзеновские кооперативы были основаны на благотворительной основе и получали нужные денежные средства от местных состоятельных людей — помещиков, пасторов и пр.; когда же кооперация достигла значительного развития, то вновь возникающие кооперативы стали получать денежные средства для начала дела из союзных кооперативных организаций — центральных касс Имперского банка, а также из государственной Прусской центральной кассы кооперативных товариществ.

В России сложилось существенно иное положение. Кредитные товарищества возникли у нас по инициативе не помещиков и иных зажиточных элементов деревни, но по инициативе государственной власти, которая, естественно, и позаботилась о снабжении кредитных товариществ необходимым им капиталом. Кредитные товарищества получают у нас средства для начала дела заимообразно от Государственного банка.

Оказывая денежную поддержку кредитным товариществам, государство, естественно, подчинило товарищества и своему контролю. В 1904 г. было образовано при

Государственном банке особое Управление по делам мелкого кредита, с обширным штатом инспекторов мелкого кредита, причем эти чиновники должны были следить за деятельностью кредитных товариществ, производить в них периодические ревизии и вообще всячески руководить ими. Товарищества были во всех важнейших своих действиях подчинены Управлению по делам мелкого кредита и его местных чинов. На инспекторов мелкого кредита было возложено оказание содействия при устройстве учреждений мелкого кредита, поставленных под всестороннюю опеку инспекторов.

Со времени 1904 г. правительственная власть в лице Управления по делам мелкого кредита начинает систематически стремиться к насаждению в нашей деревне кредитных товариществ. Для этой цели ассигновываются из государственных средств десятки миллионов рублей на кредитование кредитных товариществ. При деятельной поддержке государства кредитные товарищества действительно достигают весьма значительного развития. В дополнение к средствам, получаемым в ссуду из Государственного банка, они собирают значительные собственные капиталы и привлекают еще более значительные капиталы со стороны в виде вкладов. К 1 января 1916 г. пассив кредитных товариществ выражался следующими крупными цифрами:

	В млн руб.
Средства собственные	129
Вклады и займы у частных лиц	558
Займы из государственных средств	95,5

Хотя по развитию своих денежных оборотов наши кредитные товарищества далеко уступают германским, все же около 800 млн. руб. капитала, которым они располагали, являлись суммой далеко не незначительной. Государство, несомненно, достигло своей цели — создать в русской деревне доступный крестьянину мелкий кредит. Вопрос только в том, чем были наши кооперативные по форме учреждения мелкого кредита — действительно кооперативами или только вспомогательными учреждениями Государственного банка?

Что касается ссудо-сберегательных товариществ, число которых в деревнях сравнительно невелико, то они могли бы безусловно считаться настоящими кооперативами, если бы действовали сколько-нибудь нормально. Но среди ссудо-сберегательных товариществ, действующих в русской деревне, только незначительная часть живет нормальной жизнью; остальные же находятся в упадке по тем или иным причинам. Поэтому когда приходится говорить о нашей крестьянской кредитной кооперации, то нужно иметь в виду почти исключительно кредитные товарищества.

Относительно же кредитных товариществ сомнения в их кооперативности были вполне обоснованы. Даже с точки зрения формально-правовой их трудно было считать кооперативами в полном смысле слова. По мнению составителей проекта нового гражданского уложения, «кредитные товарищества представляются не столько частными товариществами, основанными на кооперативном начале с целью содействия кредиту своих членов, сколько своеобразным способом организации мелкого кредита, оказываемого Государственным банком».

И действительно, степень самостоятельности членов кредитного товарищества была чрезвычайно ограничена: в лице инспектора мелкого кредита каждое товарищество имело начальника или, точнее, опекуна, руководившего почти каждым шагом товарищества. Собственный капитал товарищества в большинстве случаев выражался незначительной суммой сравнительно с тем капиталом, который товарищество получило в ссуду из Государственного банка. Огромное большинство членов товарищества не принимало почти никакого участия в руководстве товариществом, контролировавшимся фактически отнюдь не членами товарищества, а стоявшими вне его правительственными чиновниками. Для среднего члена кредитного товарищества последнее имело интерес лишь постольку, поскольку оно могло выдать ему требуемую ссуду. Если ссуда возвращена обратно, то крестьянин обычно считал, что связь его с товариществом порвалась. Общие собрания членов бывали редко и посещались плохо. Во многих товариществах благодаря их сравнительно крупным размерам место общего собрания членов заступали собрания уполномоченных; в этом случае связь рядового члена с жизнью товарищества была еще более слабой и ограничивалась выбором уполномоченных.

Вообще, относительно среднего кредитного товарищества смешно было и говорить о самостоятельности его членов, а следовательно, в таком товариществе не имелось и истинной кооперативной жизни. Все это было бесспорно, и все же кредитные товарищества сыграли огромную роль в кооперативном пробуждении России.

Обычная история русского кредитного товарищества была такова. В начале это было учреждение, возникшее по инициативе инспектора мелкого кредита или кого-либо другого со стороны. Члены его нисколько им не интересовались и видели в нем только источник получения ссуды, причем в первое время эти ссуды получались из капиталов, ссуженных государством.

Однако чем дольше существовало товарищество, тем сильнее становилось его воспитательное воздействие на его членов. Сначала начинает сознательно относиться к делам товарищества небольшой кружок лиц из числа его непосредственных руководителей. Затем этот кружок все расширяется, товарищество начинает вести более сложные операции, все более прививается на местной почве и все более втягивает в круговорот своих интересов крестьян того же села. Товарищество начинает поддерживать своими капиталами другие товарищества — уже несомненно кооперативного типа — как местное потребительское общество, сельскохозяйственное общество, товарищество по закупке и сбыту и т.д. Мало-помалу накапливается собственный капитал товарищества, и оно начинает жить самостоятельной кооперативной жизнью, освобождаясь от зависимости от Государственного банка.

Таков был обычный и вполне естественный ход развития кредитного товарищества. В начале его деятельности оно никаких кооперативных элементов в себе не заключало. Но чем дальше, тем более проникается его жизнь кооперативными элементами и в конце концов товарищество становится истинным кооперативом. Кооперативная форма товарищества наполняется действительным кооперативным содержанием.

Конечно, невозможно с полной определенностью сказать, что представляли собой десятки тысяч кредитных товариществ, которые существовали в русской деревне. Во всяком случае, можно быть уверенным, что среди них имелись товарищества на всех ступенях кооперативного развития — от товариществ, не имевших в себе никаких элементов истинной кооперации, до настоящих кооперативов, живших полной кооперативной жизнью, ничуть не менее кооперативов Запада. И, что самое важное, ясно, что число кооперативов первого рода относительно все сокращалось, а число кооперативов последнего рода быстро росло. Кооперативное сознание проникало все глубже и глубже в толщу русского крестьянского мира и глубочайшим образом преобразовывало весь его социально-психологический облик.

Какова же социальная среда нашей кредитной кооперации? В этом отношении следует прежде всего отметить, что в связи с иным происхождением нашей кооперации влияние помещичьего элемента в ней гораздо слабее, чем, например, в Германии. Это может быть иллюстрировано до некоторой степени и статистическими данными. Кооперативная секция Киевской всероссийской выставки 1913 г. провела анкету среди кредитных кооперативов, на которую откликнулось 1322 товарищества. Согласно этой анкете оказалось, что по образовательному уровню состав правления и совета в ответивших кредитных и ссудо-сберегательных товариществах имеет следующий вид (в процентах):

Группа	Высшее образование (%)	Среднее образование (%)	Низшее образование (%)	Неграмотные (%)
Правление	2,7	11,2	85,5	0,7
Совет	4,2	10,5	83,5	1,8

На долю лиц с высшим и средним образованием приходилось только 13,9 % членов правления и 14,7 % членов совета. По всей вероятности, все помещики входили в эту группу; но, очевидно, в эту группу входили и многие другие лица, кроме помещиков, — лица либеральных профессий, народные учителя, священники, фельдшера и т.д. Таким образом, можно думать, что в составе правления и совета помещики играли роль совершенно незначительную.

Наша крестьянская кооперация находилась вне влияния помещичьего класса. Это и неудивительно, так как отношения между помещичьим и крестьянским классами в России не имеют ничего общего с тем, что мы наблюдаем, например, в Германии, где оба класса стоят в тесном политическом союзе.

Труднее решить вопрос относительно того, какие именно элементы крестьянства входили в состав кредитных товариществ. Общих данных этого рода относительно всей России не имеется, приходится довольствоваться данными относительно отдельных районов. В отчете Управления по делам мелкого кредита за 1904 г. имеются сведения об обеспечении членов кредитных товариществ лошадьми. Эти сведения могут быть сравнены с данными относительно обеспечения лошадьми крестьянского населения в тех губерниях, в которых в том же 1904 г. была произведена конская перепись. Таким образом, возможно сравнение в отношении обеспечения лошадьми всего крестьянского населения и членов кредитных

товариществ в 3 губерниях: Херсонской, Таврической и Екатеринославской. С. Н. Прокопович дает на основании этого сопоставления следующие данные (в процентах):

Категория двора	Кредитные товарищества (%)	Все крестьянское население (%)
Безлошадные	12,2	32,8
1 лошадь на двор	8,8	8,2
2 лошади на двор	48,6	34,0
3 лошади на двор	19,7	15,4
5 и более лошадей на двор	10,7	9,6

Легко заметить, что в кредитных товариществах сравнительно мало представлена группа деревенской бедноты — безлошадных крестьян. Наоборот, группа двухлошадных крестьян представлена значительно сильнее, чем в массе крестьянского населения. Группа зажиточных крестьян, имеющих 3 лошадей и больше, представлена также сильнее, чем в остальном населении, хотя тут перевес и не так значителен, как при сравнении групп двухлошадных.

Исходя из этого, следует заключить, что кредитные товарищества привлекают преимущественно крестьян средней состоятельности — трудовое крестьянство, ведущее самостоятельное сельское хозяйство и стоящее выше сельского пролетариата. Пролетаризированное крестьянство лишь в ограниченной степени участвует в кредитных товариществах, а более зажиточное крестьянство занимает в кредитных кооперативах следующее место за средними крестьянскими группами.

Но «лошадность» крестьянских групп является очень неточным показателем степени их экономической зажиточности. Детальный анализ сравнительного уровня экономического положения членов кредитных товариществ и остального крестьянского населения дан Г. Красильниковым на основании земской переписи членов кредитных товариществ в Уфимской губернии в 1911 г.

Сравнение это приводит к следующим результатам. Во-первых, оказалось, что в товариществах участвуют крестьяне со значительно большим семейным составом, чем семьи крестьян, не участвующих в товариществах. Это указывает на большую экономическую силу членов товарищества (как общее правило, у более зажиточных групп крестьянского населения семья имеет больший состав).

Лучше всего характеризуется экономическое положение крестьянского двора площадью его посева. В этом отношении уфимское обследование дало следующие результаты:

Из 100 дворов	Все крестьянское население	Товарищества
Не сеют	0	5
Сеют до 2 десятин	21	12

Из 100 дворов	Все крестьянское население	Товарищества
Сеют от 2 до 10 десятин	56	64
Сеют свыше 10 десятин	13	19

Несеющие крестьянские группы участвуют в кредитных товариществах в два раза менее, чем эта группа представлена во всем крестьянском населении. В товариществах преобладают крестьянские группы со средним размером посевной площади, за ними идут крестьяне с большими посевами.

Точно так же и скотом члены кредитных товариществ обеспечены значительно лучше, чем крестьянская масса.

Судя по этим данным, можно было бы думать, что кредитные товарищества имеют тенденцию замыкаться в среде более состоятельного крестьянства. Однако это не так. Г. Красильников приводит следующую таблицу:

На 100 дворов членов кредитных товариществ в Уфимской губернии находилось на 1 января:

Категория хозяйства	1906 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Безлошадные	2	3	3	4	4
С 1 лошастью	16	25	27	27	28
С 2 лошадьми	29	31	32	31	32
С 3-4 лошадьми	34	29	26	27	25
С 4 лошадьми	19	12	12	11	11

Эта таблица показывает, что первоначально кредитные товарищества захватывают более состоятельных крестьян. Но по мере укрепления товариществ в состав их входят и более бедные крестьяне. За 5 лет процент безлошадных в уфимских товариществах возрос в два раза, а процент крестьян, имеющих более четырех лошадей, понизился более чем на треть. «Создаваясь сначала по преимуществу среди зажиточных элементов деревни, — говорит Г. Красильников, — уфимская кооперация постепенно всасывала в себя и хозяйства, менее экономически состоятельные, и в результате основным ядром ее оказывался крестьянин-середняк, который и составляет собой так называемую народную массу».

Точно так же и обследование Никольского кредитного товарищества в Раненбургском уезде Рязанской губернии привело к выводу, что «в своей работе кооператив естественно стремится к средним по хозяйственному положению группам крестьянства. Для кредитной кооперации эти средние группы и выше средних являются нормальной средой».

Таким образом, по общему мнению исследователей, кредитная кооперация служит у нас интересам прежде всего среднего трудового крестьянства, имеющего свое хозяйство и

обрабатывающего свою землю.

Мы видели, что по условиям своего возникновения русская крестьянская кооперация не имела ничего общего с германской. И в других отношениях русское кредитное товарищество глубоко отличалось от райффайзеновского товарищества Германии.

Первым и самым важным различием является то, что наши товарищества самым грубым образом расходятся с принципом локализации. Средние размеры нашего кредитного товарищества значительно превосходят германские: в то время как в Германии преобладают товарищества с числом членов менее 100, у нас совсем нет товариществ, в районе которых число дворов было бы не менее 100. Наиболее распространенным у нас типом являются товарищества, в районе которых от 1000 до 2000 дворов. Наряду с этим у нас имеются товарищества еще гораздо более крупные. В среднем на одно товарищество у нас приходилось в 1916 г. 682 члена.

Легко понять, какое огромное значение в жизни наших товариществ имеет столь значительный их размер. Охватывая собой иногда обширную территорию со множеством сел, деревень и хуторов и включая тысячи членов, товарищества наталкиваются на многообразные трудности в осуществлении своего прямого дела — организации кредита для малоимущей массы крестьянского населения. При большом районе правление товарищества не имеет никакой возможности знать своих членов, и при определении их кредитоспособности правлению приходится руководствоваться внешними формальными признаками — обычно количеством земли, которым располагает заемщик. Но так как этот признак далеко недостаточный, а к тому же при существовавшем у нас законодательстве взыскание долгов с крестьянина было чрезвычайно затруднительно, ибо крестьянская наделная земля, равно как и движимое имущество крестьянина, необходимое для существования, не могли быть продаваемы за долги, то товарищество, отказывая в кредите всем более бедным своим членам, в то же время подвергалось большому риску потерять свои деньги. При крупном районе товарищества неизбежны большие расходы членов отдаленных селений на проезд к товариществу; эти расходы по поездке иногда значительно повышают сумму, в которую обходится должнику получение кредита из товарищества. Далее, при крупном районе для товарищества невозможно контролировать употребление ссуды и отсутствует то давление общественного мнения села на каждого члена, которое играет такую важную роль в обеспечении исправного возврата ссуды. Более близкие села к месту помещения правления получают при этом естественное преимущество перед более отдаленными, почему, как общее правило, в крупных товариществах процент крестьян, принимающих участие в товариществе, тем менее, чем данное село более удалено от места пребывания правления.

Не менее важна и следующая сторона дела. Мелкое товарищество имеет характер более чистого кооператива, чем крупное. Действительно, в крупном товариществе силой вещей невозможны общие собрания членов (как собрать в одно место несколько тысяч человек?), и их заступают собрания уполномоченных. Но при этом рядовой член товарищества совершенно отстраняется от контроля за деятельностью правления, неестественно, утрачивает интерес к своему товариществу. О кооперативном воспитании в этом случае не может быть и речи.

Поэтому крупные товарищества уклоняются от кооперативного типа в сторону обычных банков и нередко начинают в обход своего устава заниматься разного рода спекуляциями, так как размещение среди членов скопляющихся у таких товариществ в значительном количестве вкладов весьма затруднительно. Многие из таких товариществ ссужают своими деньгами разные местные учреждения и в конце концов подвергают серьезному риску свои вклады. Напомним, что и в Германии крушение Имперского кооперативного банка произошло в связи с ликвидацией некоторых крупных товариществ, которые уклонялись от райффайзеновского принципа локализации и благодаря этому должны были прибегнуть к рискованным спекуляциям.

Почему же наши товарищества имеют столь крупный район? Для этого существуют разнообразные причины.

Прежде всего это вызывается недостатком в русской деревне лиц, способных руководить хотя бы и весьма несложным хозяйством товарищества. Поэтому, где такие лица явились и дела товарищества пошли хорошо, там товарищество, естественно, растет и захватывает в круг своих операций все больший и больший район. Новые товарищества не возникают, так как для руководства ими не находится достаточно знающих и способных лиц.

Поэтому до последнего времени мы замечали, что, как общее правило, товарищества становились все крупнее и крупнее; несмотря на огромное увеличение числа товариществ, число членов в них росло еще более.

Существенным препятствием к возникновению у нас мелкорайонных кредитных товариществ являлась и слабость у нас кооперативных союзов. Мелкое товарищество может быть сильным, только опираясь на союз. Пока же у нас союзов было мало или же они были очень слабы, единственным средством увеличения экономической силы товарищества было увеличение числа его членов. Нередко крупные товарищества фактически начинали играть роль союзов товариществ; такую эволюцию претерпело, например, одно из очень крупных товариществ юга России — Лохвицкое кредитное товарищество, которое распространило свои операции на весь уезд, натолкнулось при этом на разнообразные трудности в размещении своих вкладов и должно было значительную часть их разместить между другими товариществами уезда.

Из этого основного отличия наших кредитных товариществ от райффайзеновского типа (нарушения ими принципа локализации) вытекали и другие. Так, наши товарищества отнюдь не придерживались другого райффайзеновского принципа — бесплатности труда членов правления и совета. Как общее правило, члены правления и совета получали у нас известное вознаграждение, причем, по киевской анкете, среднее вознаграждение председателя правления (для всех товариществ) почти достигало трехсот рублей. Затем, наши товарищества очень редко построены на начале неограниченной ответственности — обычно ответственность составляет некоторое кратное число по отношению к открываемому данному члену кредиту. Нередко один член участвует в нескольких товариществах, хотя это и запрещается уставом. Все это было неизбежным спутником малой кооперативности наших товариществ, не связанных тесными узами с определенной ограниченной группой крестьянского населения.

В общем, наши кредитные товарищества были весьма своеобразным типом кредитного учреждения. Но, как нужно думать, по мере развития нашей кооперации или, точнее, по мере того, как кредитные товарищества будут больше и больше приближаться к действительной кооперации, они будут приближаться и к райффайзе-новскому типу. Крупнорайонность наших товариществ неизбежно должна отпасть с дальнейшим ростом их числа: подъем деревни поведет к тому, что каждое село пожелает иметь свое кредитное товарищество, что при развитии союзных организаций не встретит затруднений.

Влияние кредитных товариществ на экономическое положение деревни нельзя учесть статистически, но оно, несомненно, очень велико. Наиболее наглядно значение товариществ как удачного конкурента ростовщичества, составляющего старинную язву нашей деревни. Анкета, которую произвело Московское земство среди ссудо-сберегательных и кредитных товариществ в 1911 г., дала следующие результаты. Шесть товариществ ответили, что сокращения ростовщичества не было заметно в связи с особым развитием операций самих товариществ; 5 товариществ ответили, что в их районах и раньше не было ростовщичества; 37 товариществ заявили, что вследствие их деятельности ростовщичество, процветавшее раньше в их районах, или совершенно исчезло, или значительно сократилось.

Вот для примера некоторые из отзывов товариществ, заимствуемые из московского земского сборника «Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества» (1911 г.).

Спасо-Нудольское товарищество пишет: «ростовщики совсем перевелись». Правлением совета Петровского кредитного товарищества «констатируется полное прекращение ростовщичества лавочников, трактирщиков и пр.». Васильевское: «местное ростовщичество заметно уменьшилось». Авдотьинское пишет об отсутствии теперь «клиентов у ростовщиков, что последними в частных разговорах неоднократно высказывалось». По словам Онуфриевского товарищества, «открытие товарищества совсем убило ростовщичество; если и берут они процент, то одинаковый с товариществом».

По словам Рудневского товарищества, «деятельность ростовщиков совершенно подорвана. Лица, занимавшиеся снабжением нуждающихся деньгами за высокие проценты, теперь сами вносят вклады в товарищество. Товарищество в сем году выяснило и другие результаты своей деятельности, именно: уменьшилось число безлошадных крестьян в волости, а также заметно улучшение хозяйства и вообще — в других отраслях».

«Местное ростовщичество упало, — пишет Петровское ссудо-сберегательное товарищество, — местные ростовщики хотя и дают деньги в долг, но за те же проценты, что и товарищество». Иногда они пользуются лишним процентом, когда товарищество не даст члену больше определенного уставом кредита. За последнее время заметно, что ростовщики охотнее несут свои деньги в то же товарищество, потому что деньги, раньше даваемые в заем, остаются свободными.

По словам Зюзинского товарищества, теперь у ростовщиков «проценты уменьшились наполовину: они стали взимать 12 % годовых и не выше 15 в редких случаях, когда рискуют неуплатой в срок или совсем отказом от платежа».

«Благодаря деятельности товарищества, — пишет Звенигородское товарищество, — для ремесленников, кустарей и земледельцев открывается возможность обходиться без кредита частных лиц, скупщиков товара и т.д., обходящихся всего дороже. Пользование кредитом частных лиц сократилось очень сильно. Положение лиц, занимающихся промыслом разного рода, облегчилось, так как имеется возможность делать более крупные хозяйственные заготовки (материал, скот), выжидать лучшие цены».

Наконец, Зятьковское товарищество сообщило следующее: «Благодаря деятельности товарищества экономическая жизнь населения заметно улучшается. Получивши деньги в товариществе, член покупает себе домашний скот или же дешевле, чем в долг, покупает предметы для своего промысла, более свободен от ростовщичества при покупке и продаже своих изделий. Отсюда ясно, что у товарища остается часть денег, которую он расходует или на пополнение домашнего хозяйства, на расширение своих оборотов в промысле, или делает сбережения на всякий случай».

На то же указывают сведения и из других мест. Так, в районе известного Дзенгелевского товарищества (Киевская губерния) местные ростовщики должны были прекратить свои операции и стали вкладчиками товарищества. То же указывается и относительно Уфимской губернии. В Екатеринбургском уезде Пермской губернии, по словам г. Мавричева, ростовщичество почти исчезло, а ростовщики стали вкладчиками товарищества. Этот переход прежних ростовщиков в число вкладчиков товарищества, давая товариществу необходимые для него денежные капиталы, имеет, по справедливому мнению Б. А. Фроммета, и свои опасные стороны. Ростовщики стремятся приобрести влияние на ход дела в товариществах и нередко этого достигают, становясь членами его правления. Будучи заинтересованы в повышении процента по вкладам, они стремятся держать и процент по ссудам на высоком уровне (например, на 12 % годовых — вообще, проценты по ссудам в наших кредитных товариществах стоят сравнительно с тем, что мы видим в Германии и других странах, на очень высоком уровне) и вообще использовать товарищество в своих личных торговых или иных экономических интересах.

По свидетельству «Вестника мелкого кредита», «обычно при возникновении товарищества против него восстают благодетели деревни, инстинктивно чувствуя в нарождающейся организации личного своего врага и соперника. Обычно вначале пускаются в ход всякого рода нелепые слухи и запугивания, а когда это не действует, то все эти благодетели спешат пристроиться к новому делу и нередко попадают в правления и советы, стараясь провести в состав правления подходящих подручных людей, и притом таких, чтобы на первых же порах умалить значение учреждения в глазах темного населения, помешать его развитию или, наконец, выжать из него что-либо в свою пользу. Такой план деревенских богатеев часто проводится незаметно для темного люда, который считает это неизбежным злом. В других — около товарищества возникает серьезная партийная борьба». Но, конечно, все эти попытки ростовщиков захватить в свои руки кредитные кооперативы могут иметь успех лишь при слабом развитии кооперативного духа и должны прекратиться при дальнейшем развитии нашей крестьянской кооперации.

3. Потребительская кооперация

Если относительно многих кредитных товариществ были вполне обоснованны сомнения в их кооперативное™, то за последние годы перед революцией у нас быстро росли уже несомненные кооперативы. Так, нельзя было сомневаться в кооперативное™ наших деревенских потребительских обществ, число которых росло у нас почти таким же темпом, как и кредитных товариществ. К 1 января 1917 г. у нас насчитывалось около 20000 потребительских обществ, из которых около 15000 обществ было в деревне. По числу потребительских обществ Россия занимает во всем мире первое место, далеко оставляя позади себя даже Великобританию. Но, конечно, отсюда не следует заключать, что наша потребительская кооперация стоит выше английской. Наши потребительские общества, хотя и велики по своей численности, были очень слабы экономически, большинство из них очень небольших размеров, не идет в этом отношении ни в какое сравнение с английскими. В Англии потребительские общества существуют в городах, у нас же преимущественно в деревне.

В противность тому, что мы видим по отношению к кредитной кооперации, правительственная власть не только не насаждала в нашей деревне потребительских обществ, но задерживала их развитие как общими неблагоприятными условиями нашей общественности, так и неразрешением союзов потребительских обществ, в чем настоятельно нуждается потребительская кооперация не менее всякой иной. При небольших же размерах наших потребительских обществ союзное объединение для них особенно важно.

Среднее число членов в нашем потребительском обществе было всего около 150, но так как сюда входят как деревенские, так и городские потребительские товарищества, то среднее число членов в деревенском потребительском обществе должно было быть совсем незначительным. Общая численность членов потребительских обществ достигала в начале войны приблизительно 1,5 млн. чел. Сравнительно с общей численностью нашего населения эта цифра, конечно, не была велика, и по отношению к интенсивности развития нашей потребительской кооперации мы не только не занимали первого места, как по отношению к общей численности потребительских обществ, но занимали едва не последнее место в Европе. Тем не менее, если вспомнить неблагоприятные общественные условия, при которых приходилось развиваться нашей кооперации, то полтора миллиона членов потребительских кооперативов покажутся числом не только значительным, но даже огромным.

Чем же объяснялся этот быстрый рост в нашей деревне уже несомненной кооперации? Прежде всего слабым развитием в русской деревне капиталистической торговли. Деревенский лавочник занимает у нас монопольное положение и, пользуясь этим, повышает цены своих товаров до чудовищных размеров. При таком положении дела даже очень слабое потребительское общество может с успехом конкурировать с лавочником. И действительно, мы видим, что устройство в деревне потребительского общества обычно приводило к очень значительному понижению цен. Так, в Киевской губернии обследованием 160 обществ установлено, что понижение цен на товары достигло 5-25 %. В других районах понижение цен благодаря появлению потребительских обществ выражается еще более крупными цифрами: например, в Пермской губернии цены на многие товары упали под влиянием потребительских обществ на 3 % и более, в Новгородском уезде цены упали по

той же причине на 30-40, в Крестец-ком уезде — на 20-30 % и т. д., и т.д. Конечно, все подобные показания большой точностью не отличаются, но факт значительного понижения товарных цен при появлении в деревне потребительского общества не подлежит ни малейшему сомнению.

В то же время благодаря развитию денежного хозяйства в нашей деревне быстро растет за последнее время спрос на разнообразные продукты, которые можно получить лишь путем покупки; продукты эти крестьянин получал от местного лавочника по очень высокой цене. Что же удивительного, что, несмотря на все препятствия со стороны администрации и крайне низкий уровень кооперативного сознания, потребительские общества завоевывали нашу деревню?

Такова общая почва, благоприятствовавшая росту нашей деревенской потребительской кооперации. К этому присоединялась деятельность разного рода общественных учреждений, ставивших себе целью развитие кооперации. Важность этого второго фактора особенно наглядно обнаруживается тем, что относительное развитие потребительской кооперации в различных районах с очень близким хозяйственным характером нередко оказывается чрезвычайно различным.

Так, например, наибольшего развития потребительская кооперация достигала в начале войны в трех юго-западных губерниях, в которых число потребительских обществ достигло 1776, между тем как в находящихся в сходных условиях трех правобережных малороссийских губерниях при очень близкой общей численности населения число потребительских обществ было всего 801. В центральном земледельческом районе, при значительно большей численности населения, число потребительских обществ выражалось скромной цифрой — 370. Нельзя не согласиться с В. В. Хижняковым, который дает следующее объяснение этих, на первый взгляд непонятных различий.

“ «Кооперация, — говорит он, — у нас пока насаждается, а не вырастает сама путем самостоятельной инициативы населения. Вследствие некультурности населения и отсутствия у него необходимых навыков наша кооперация — еще нежный цветок, требующий приложения искусных рук и тщательного ухода за собой. Поэтому ее возникновение и успешное развитие стоят всецело в зависимости от наличия местных интеллигентных сил, увлеченных делом кооперации и способных ее взращивать и ею руководить. И так как теперь почва для этого взращивания благоприятна, — поскольку мы говорим о населении, уже ищущем новых путей для организации своего хозяйства и выхода из векового его застоя, — то труд интеллигентных работников, идущих навстречу возникшей потребности, оказывается при сколько-нибудь благоприятных внешних условиях благоприятным: кооперация множится и дает некоторые плоды. Поразительную разницу в преимущественном развитии то одной, то другой формы в губерниях близких между собою и даже в смежных уездах одной и той же губернии можно отнести в значительной степени на счет разницы в отношении к той или другой форме

со стороны местных учреждений и общественных деятелей, насаждающих кооперацию и направляющих местную инициативу в соответствующее их взглядам русло. И как в количественном отношении, так и в вопросе о том, какая кооперативная форма наиболее развивается, определяющую роль играют местные, часто совершенно случайные, условия: характер местного земства, направление деятельности местного центрального сельскохозяйственного общества, качество и кооперативные воззрения третьего элемента в земстве и деятелей местного общества».

Все это, конечно, так. Нужно только прибавить, что таково же было положение и в других странах в начале развития в них кооперации. В особенности это верно по отношению к деревенской кооперации. Крестьянское население вообще не отличается большой самостоятельностью и готовностью воспринимать новые формы хозяйства; поэтому везде пионерами в деле развития крестьянской кооперации являлись учреждения и люди, сами не принадлежавшие к крестьянской среде. В Германии такую роль сыграли помещики, духовенство, учителя. У нас — отчасти правительственные чиновники, отчасти же земство и интеллигенция, в особенности так называемый третий элемент — земские служащие.

4. Кооперация по закупке и сбыту

Весьма заметную роль в нашей деревенской кооперации играли сельскохозяйственные общества, которых у нас считалось накануне революции около 6000. Сельскохозяйственные общества отнюдь не всегда могут быть признаны кооперативами, ибо по своей первоначальной цели они должны быть прежде всего учреждениями культурно-просветительского характера. У более крупных сельскохозяйственных обществ этот характер их особенно выступает на первый план. Но мелкие сельскохозяйственные общества, членами которых являются крестьяне, обычно на первый план выдвигают задачи совершенно иного рода — чисто хозяйственные и становятся, таким образом, кооперативами с весьма сложными функциями. Сельскохозяйственное общество небольшого района обычно выполняет функции закупочного товарищества, оно приобретает для своих членов средства сельскохозяйственного производства: семена, орудия сельскохозяйственного производства и пр. К этому обычно присоединяются и функции производительно-подсобного кооператива: сельскохозяйственное общество владеет некоторыми сельскохозяйственными машинами, которые оно отпускает за плату для пользования своим членам и другим лицам; иногда общество владеет скотом — производителями (бык, кабан и т. п.). Наконец, сельскохозяйственное общество в некоторых случаях выполняет и функции кооператива по сбыту, беря на себя продажу тех или иных сельскохозяйственных продуктов.

Правда, выполнению сельскохозяйственными обществами всех этих хозяйственных функций сильно препятствовал их устав, отнюдь для этого не приспособленный.

Сельскохозяйственное общество не имеет паевого капитала и потому лишено естественного хозяйственного базиса своих сложных операций. Тем не менее эти операции оно нередко

выполняет с большим успехом по отсутствию в деревне других кооперативных организаций, которые могли бы эти операции выполнять. В общем, сельскохозяйственные общества являются кооперативами, так сказать, на безрыбье, по отсутствию организаций, более приспособленных к названным целям.

Само собою разумеется, что вести операции по закупке должны бы такие организации, которые имеют определенный капитал, будет ли это паевой капитал или какого-либо иного происхождения. Кооперативами с паевым капиталом являлись, по терминологии нашего законодательства, сельскохозяйственные товарищества, которые именно этим признаком и отличались, по букве дореволюционного законодательства, от сельскохозяйственных обществ. Сельскохозяйственные товарищества начали распространяться у нас только в самое последнее время. Накануне революции их считалось 1650 самого разнообразного типа, как по закупке средств производства, так и по переработке и сбыту сельскохозяйственных продуктов.

Наибольшее значение среди товариществ по сбыту у нас имели кооперативные зернохранилища. Кооперативный сбыт хлеба обещает большие выгоды русскому крестьянству, принужденному продавать свой хлеб небольшими партиями и очень спешно под влиянием нужды в деньгах. Хлебные операции, требующие значительных денежных средств, получили развитие у нас при кредитных товариществах, что вполне естественно, так как при бедности нашего крестьянина и затруднительности собрать с крестьянского населения значительный паевой капитал только кредитный кооператив, располагающий значительными денежными средствами, может с успехом организовать сбыт крестьянского хлеба.

Согласно данным, приводимым Бородаевским в его книге «Зернохранилища, элеваторы и кооперативный сбыт хлеба» (1912 г.), крестьяне даже в не особенно захолустных углах продавали хлеб скупщикам на 5 и даже 10 коп. дешевле цен в ближайшем крупном центре хлебной торговли. Кооперативные зернохранилища должны были избавить крестьянина от власти хлебного скупщика. Нельзя не признать, что именно при кредитных товариществах всего легче может быть организована кооперативная продажа хлеба. В пользу такой связи говорит и то, что на Западе (в Германии и Австрии) кооперативные зернохранилища обычно существуют не самостоятельно, но при кредитных кооперативах: причем ввиду сложности дела и необходимости для него крупных затрат целая группа кредитных кооперативов объединяется для устройства такого зернохранилища.

Наши кредитные кооперативы уже давно занимались хлебозалоговыми операциями, которые велись свыше чем 1000 кредитными кооперативами при помощи ссуд из Государственного банка. К маю 1913 г. было уже 498 мелких зернохранилищ, принадлежащих кредитным кооперативам, и несколько более крупных, принадлежащих целым группам объединившихся кредитных товариществ.

В последние годы до войны дело постройки сети как элеваторов в крупных центрах хлебной торговли, так и небольших зернохранилищ пытался взять в свои руки Государственный банк. Предполагалась планомерная постройка сети элеваторов и зернохранилищ, причем более крупные элеваторы должны были находиться в заведывании самого банка, а мелкие

зернохранилища, входящие в общую сеть, должны были сооружаться на средства Государственного банка, но находиться в пользовании учреждений мелкого кредита.

Элеваторы Государственного банка согласно предположениям правительства должны были быть учреждениями, управляемыми администрацией самого банка, но вместе с тем облегчать кооперативным организациям сбыт товарищеского хлеба.

Недостатком всей этой предполагавшейся широкой организации элеваторов и зернохранилищ был приданный ей с самого начала бюрократический характер. Война застала все эти предложения в начале их осуществления и, конечно, в будущем предполагаемая организация сложится в совершенно иные формы.

5. Кооперация по переработке

Среди разнообразных крестьянских кооперативов совершенно особое место занимают маслодельные артели. Можно сказать, что маслодельная кооперация является у нас самой блестящей страницей всего нашего кооперативного движения. Быть может, до революции это был единственный у нас вид кооперативов, который достиг огромного экономического значения не поддержкой со стороны, а на основе самостоятельности самого населения.

Молочная кооперация имеет у нас свою длинную историю. Начинается она в 60-х гг. в виде артельных сыроварен в Тверской и Ярославской губерниях. Несколько интеллигентов — Верещагин, Бландов, Бирюлев⁷⁵ и др. — заинтересовались вопросом о молочной кооперации, изучили за границей молочное дело и приехали насаждать в России молочную кооперацию, причем остановились на кооперативном производстве сыра. Благодаря общественному сочувствию их начинаниям и поддержке земства, им удалось в скором времени организовать целый ряд сыроваренных артелей совершенно того же типа по своему внутреннему строю, как и маслодельные кооперативы, получившие ныне огромное распространение во всем мире. Это были не производительные артели, а товарищества по переработке молока.

В 1866 г. возникла первая сыроваренная артель в Тверской губернии на средства Вольного экономического общества. В 1871 г. было уже 25 сыроваренных артелей в Тверской, Ярославской, Новгородской, Вятской губерниях и в Терской области, благодаря главным образом, щедрой денежной поддержке земств. Судьба этих первых молочных кооперативов была печальная: почти все они в скором времени распались. Однако нельзя сказать, чтобы пионеры нашей молочной кооперации не сделали никакого полезного практического дела: не достигнув успеха в деле насаждения молочной кооперации, они достигли иного — создания у нас капиталистического производства сыра и масла. Неудавшиеся артельные заводы в конце концов перешли в руки капиталистов, и один из главных пропагандистов молочной кооперации, Бландов, стал одним из крупнейших в России предпринимателей в области молочного хозяйства.

Конечно, этот странный оборот молочной «артельной эпопеи» ни малейшим образом не компрометирует почтенные имена первых насадителей у нас рационального молочного

дела: если наша крестьянская среда оказалась неподготовленной к кооперации, то пионерам нашей молочной кооперации ничего не оставалось, как организовать молочное хозяйство капиталистически. Они сделали большое культурное дело, и не их вина, если это дело оказалось совершенно иным, чем то, к которому они стремились.

Молочная кооперация на время у нас совершенно замерла, и «артельная эпопея» возбуждала только насмешки интеллигенции девяностых годов прошлого века. Но история молочной кооперации в России не только не кончилась, но еще только начиналась.

В конце 90-х гг. у нас вновь начинают возникать молочные кооперативы, но уже иного типа, с иными техническими задачами и в совершенно иной общественной обстановке.

Причины неудач первых молочных кооперативов были многообразны. Прежде всего с точки зрения технических заданий артели не могли иметь успеха потому, что независимо от артельной формы сами процессы сыроварения были у нас мало изучены и, имея очень сложный характер, требовали приспособления к русским условиям, для чего не имелось еще достаточного опытного материала. Не было специалистов не только по сыроваренному, но и по гораздо более простому маслодельному делу. Все это нужно было создавать заново, и потому молочные продукты должны были выходить низкого качества.

Не меньшую роль играла и полная неподготовленность к кооперации крестьян, среди которых интеллигенты насаждали артели. Были и частные причины неудач артелей (вроде неправильного выбора районов с незначительным развитием крестьянского скотоводства), но наибольшее значение имели две вышеуказанные.

Новые молочные артели возникли в Сибири и поставили себе задачей приготовление не сыра, а масла. Возникновение их в Сибири отнюдь не было случайным. Сибирское крестьянство стоит несравненно выше русского по своей зажиточности и земельному богатству. На основе этого земельного богатства развилось сравнительно цветущее крестьянское скотоводство. В Сибири приходится в среднем на крестьянский двор более 4 коров, о чем, конечно, не приходится и мечтать русскому крестьянину.

К этому богатству скотом сибирского крестьянина присоединилось в половине 90-х гг. прошлого века еще крупнейшее хозяйственное событие в жизни Сибири — постройка Сибирской железной дороги, соединившей Сибирь со всем европейским миром. Железная дорога открыла перед Сибирью необъятный рынок и дала толчок необычайной силы для развития сибирского хозяйства. В Сибири появляются представители крупных иностранных фирм по экспорту масла, и на основе иностранного капитала, как отмечает Н. В. Чайковский⁷⁶, начинается лихорадочно быстрое развитие сибирского маслоделия.

Во второй половине 90-х гг. в Западной Сибири вспыхивает масляная горячка: возникает множество мелких капиталистически масляных заводов, взаимная конкуренция между которыми принимает такие размеры, что в скором времени многие предприниматели разоряются и следует общий кризис капиталистического маслоделия.

Почва для маслоделия кооперации была, таким образом, вполне подготовлена, и вот почему деятельность пионеров сибирской кооперации, Сокульского и Балакшина, привела к такому

блестящему успеху. Устройство первых маслодельных артелей вследствие недоверия крестьянства к этой новой хозяйственной организации было очень трудно. Но как только крестьяне убедились на опыте в преимуществах этой новой организации для сбыта их молока в переработанном виде, новые артели стали возникать с большой быстротой и вытеснять капиталистические маслодельные заводы.

О характере развития сибирского маслоделия можно судить по нижеследующим данным:

Количество маслодельных заводов в Томской и Тобольской губерниях

Год	Все заводы	В том числе артельные	В процентах артельных
1896	29	5	17%
1900	1022	32	3%
1902	1980	60	3%
1905	1943	357	18%
1910	3109	1337	43%

Ясно, какой огромный скачок сделало сибирское маслоделие со времени открытия Сибирской дороги. При этом в начале развитие это совершалось в форме капиталистического маслоделия. Со времени 1902 г. картина меняется: под влиянием кризиса капиталистического маслоделия общее число маслодельных заводов к 1905 г. сократилось, но число артельных заводов во много раз возросло. Дальнейшее развитие маслодельного производства совершается почти исключительно за счет роста артельного маслоделия.

Сибирская маслодельная кооперация уже никоим образом не может быть отнесена на счет «благоприятствующей опеки». Это действительно огромное дело, созданное самим населением, на основе самопомощи заинтересованных лиц. И неудивительно, что кооперация так удалась именно в Сибири. Прежде всего этот успех объясняется исключительными преимуществами маслодельной кооперации перед капиталистическим маслоделием, о чем было сказано в предшествующей главе. Другие кооперативы не обладают такими преимуществами перед капиталистическими организациями. Поэтому, когда условия сложились крайне благоприятно для развития в Сибири маслодельного производства, оно, естественно, приняло форму кооперации.

Во-вторых, сибирский крестьянин, как экономически более сильный, легче мог создать вполне жизнеспособные устойчивые кооперативы, чем гораздо более слабый крестьянин Европейской России.

Сибирская маслодельная кооперация охватывает, как и крестьянская кооперация в Европейской России, преимущественно средних по зажиточности, а затем более богатых крестьян. Около двух третей артельщиков имеют не свыше 5 коров, что близко к средним цифрам для сибирского крестьянства данных районов. По подсчету г. Макарова, среднее количество коров на одного члена артели равно 4-8, а среднее количество коров во

владении одного крестьянина в том же районе — 4-16. Число коров у артельщиков, таким образом, только немногим выше среднего. Как это мы видели и по отношению крестьянства Европейской России, вне кооперации стоят только очень бедные жители деревни.

Особенностью сибирских маслодельных артелей является их тесная связь с потребительскими лавками. Эта связь между двумя кооперативами совершенно различных типов вытекла из условия нашего крестьянского хозяйства: при слабости развития в нашей деревне торговли предметами крестьянского потребления маслодельные заводчики являлись одновременно и деревенскими лавочниками. Маслодельные артели, вступив в борьбу с заводчиками, должны были организовать и снабжение населения продуктами лавочной торговли, так как в противном случае артели лишились бы своих членов: деревенский лавочник не станет снабжать своими товарами в кредит тех крестьян, которые не поставляют в его завод своего молока. В настоящее время сибирские артели имеют обычно следующий вид. При маслодельной артели находится и артельная лавка, причем юридически оба кооператива существуют независимо друг от друга, но так как члены в них одни и те же, то фактически оба кооператива являются одной организацией. Члены артели обязуются поставлять молоко только в свою артель, и точно так же члены потребительского общества обязуются покупать, кроме исключительных случаев, только в лавке своего общества. Чистый остаток потребительской лавки распределяется между членами по забору, а чистый доход маслодельной артели распределяется пропорционально поставленному молоку.

Товары из потребительской лавки отпускаются в кредит под поставляемое каждым членом маслодельной артели молоко.

Но этим не заканчивается организующая роль маслодельной артели. Присоединив к себе потребительскую организацию, она стремится организовать кооперативную продажу хлеба и стать вообще универсальным крестьянским кооперативом. Некоторым артелям это и удается; вообще значение маслодельных артелей в хозяйстве сибирского крестьянина громадно. Жаль только, что в смысле влияния на технику маслоделия и вообще молочного дела сибирская молочная кооперация заставляет желать очень и очень многого, не выдерживая в этом отношении никакого сравнения с молочной кооперацией Запада. Этот этап кооперативного развития у нас еще, очевидно, впереди.

Маслодельная кооперация сходного типа быстро развивалась и в Европейской России, в тех губерниях, в которых существуют благоприятные условия для крестьянского скотоводства, — в Вологодской, Ярославской, Московской и др., но везде в гораздо более скромных размерах, чем в Сибири. Это вполне понятно, так как только исключительные условия сибирского крестьянского скотоводства дали возможность сибирскому крестьянину, несмотря на все неблагоприятные условия нашей общественности, достигнуть таких крупных результатов в деле молочной кооперации.

6. Кооперативные союзы

Необходимым условием нормального развития кооперации является объединение кооперативов в союзы. Без союзов кооперация не может выйти из стадии первых подготовительных шагов, ибо отдельные кооперативы, не связанные союзными узами с другими кооперативами, являются слишком слабой хозяйственной организацией, чтобы с успехом достигать своих целей. Кооперация есть форма борьбы более слабых в хозяйственном отношении элементов современного общества с более сильными его элементами, и только единение слабых дает им возможность побеждать сильных. Это верно по отношению не только к отдельным членам кооператива, но и целым кооперативам: кооперативное строительство не заканчивается объединением небольшой группы лиц в кооператив, но продолжается и по отношению к отдельным кооперативам, которые точно так же, чтобы достигать своих целей, должны объединиться в более обширные кооперативные союзы.

Такова одна из аксиом кооперативного движения, столь же верная по отношению к России, как и по отношению к другим странам. Повсюду мы видим, что отдельные кооперативы не остаются изолированными друг от друга, но соединяются в обширные союзы.

Наша кооперация по числу участников в кооперативном движении занимает первое место в мире. Тем не менее создание столь необходимых для кооперации союзов наталкивалось у нас до революции на упорное сопротивление власти.

Только с величайшим трудом удавалось нашим кооперативам при прежнем режиме создать ту или иную союзную организацию. И все-таки жизнь столь властно требовала таких организаций, что они возникали и развивались даже при старом режиме.

Важнейших союзных организаций у нас до войны было три: Московский союз потребительских обществ, объединяющий как крестьянские, так и городские потребительские общества (об этом союзе было сказано в главе о пролетарской потребительской кооперации), Московский народный банк и Сибирский союз маслодельных артелей.

Московский народный банк является с формальной стороны акционерным банком, но так как число частных акционеров в нем ничтожно, а огромное большинство акций размещено среди кооперативов (преимущественно кредитных, но также и среди потребительских обществ и маслодельных артелей), то фактически этот банк является союзной организацией национального масштаба. Банк возник еще очень недавно — в 1912 г., — но успел развить чрезвычайно энергичную деятельность. Операции банка далеко не ограничиваются одним кредитованием кооперативов, но направлены также на объединение кооперативной закупки и кооперативного сбыта, причем, однако, во избежание нежелательной конкуренции с другим кооперативным союзом — Московским союзом потребительских обществ, — банк объединяет закупку только средств производства, а не предметов личного потребления.

К 1 января 1918 г. баланс банка превысил 300 млн. руб., причем вкладов было на 140 млн. руб.; за 1917 г. банк выдал кооперативам по всем видам ссуд около 0,5 млрд. руб., из числа которых потребительская кооперация получила свыше 300 млн. руб. Акционерный капитал банка достиг к 1 декабря 1917 г. 10 млн. руб.⁷⁷

Сибирский союз маслодельных артелей возник в 1907 г., причем в начале в нем принимало участие всего 12 артелей, а оборотный капитал (занятый) выражался скромной цифрой в 21 тыс. руб. В 1912 г. к союзу принадлежало уже 382 артели со 170 артельными потребительскими лавками, причем товарные обороты союза достигли почти 7,5 млн. руб. (в том числе масла было продано свыше чем на 6 млн. руб.)⁷⁸. В 1912 г. союзу удалось организовать сбыт своего масла непосредственно на лондонском рынке — в Лондоне была учреждена компания на паях под названием Союз сибирских кооперативных товариществ, к которой перешли все заграничные операции по сбыту масла сибирских артелей. В 1915 г. в союзе участвовало 829 артелей и 628 артельных потребительских обществ, совокупный оборот которых достигал 20 млн. руб. Через союз проходила 1/6 всего сибирского масла. Хотя в последние годы в союзе начались раздоры и из союза ушли сначала приуральские артели, а затем и английские артели, составившие свои особые центральные организации, тем не менее обороты союза быстро росли и достигли в 1917 г. 160 млн. руб. В начале 1918 г. к союзу принадлежало 1410 маслодельных артелей и 1167 артельных лавок. В артелях, принадлежащих союзу, вырабатывалась 73 всего масла, производимого в Сибири.

Стремление к союзному объединению все настоятельнее чувствовалось в мире русской кооперации, и, несмотря на все препоны к устройству союзов, которые чинились администрацией старого режима, такие союзы стали возникать за последние два-три года до революции в огромном количестве путем договорных объединений нотариальным порядком без утверждения устава правительственной властью. Нередко объединялись кооперативы различного рода ради общих целей. Объединялись и кредитные кооперативы, и потребительские общества, и сельскохозяйственные товарищества. Некоторые кооперативы объединялись с целью общей закупки, другие — с целью общего сбыта. В числе последних обращают на себя внимание союзы для постройки за общий счет элеваторов и зернохранилищ.

Те немногие союзы, которые существовали на основании утвержденных уставов, энергично развивали свои операции. До 1911 г. союзы кредитных кооперативов не имели права принимать вкладов, что, естественно, сводило их функции к очень скромным размерам. По уставу 1911 г. эта операция была разрешена союзам, и с этого времени союзы кредитных товариществ начали быстро усиливаться. К 1 января 1917 г. их было уже 71. При переходе на новый устав операции Киевского союза кредитных товариществ возросли в 90 раз, Мелитопольского — в 17 и Бердянского — в 13 раз.

В связи с ростом кооперативных объединений, а также и с одновременным развитием земской деятельности по вспомоществованию и содействию кооперации для русского кооперативного движения открылась новая задача: каково должно быть взаимодействие союзных кооперативных организаций и земства.

Дело в том, что за последние годы до революции чрезвычайно усилилась деятельность земств по содействию кооперации. К 1 января 1917 г. были уже 272 земские кассы мелкого кредита, выполнявшие приблизительно те же функции, которые выполняют и кооперативные союзы. К 17 октября 1917 г. земских касс было 281.

Как показала анкета, проведенная I отделом Петроградского отделения комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах, разработанная г. Н. Шереметьевым, кассы эти кредитовали преимущественно кооперативы, причем замечалось постепенное вытеснение кредитования отдельных лиц кредитованием кооперативов. Выполняя эту последнюю функцию, земская касса вступает в конкуренцию с союзом кооперативов. На этой почве возникло некоторое взаимное соперничество между земскими кассами и союзными кооперативными учреждениями.

С принципиальной стороны вопрос о взаимоотношении между кооперацией и земством прост и ясен. Земство поступает совершенно правильно, вступив на путь деятельного содействия кооперации. Но по мере того как кооперация развивается и набирает сил, земство должно уступить место чисто кооперативным организациям в тех областях хозяйственной жизни, которые пригодны для кооперативного строительства. Пока в нашей деревне непочатый край работы как для органов земства вроде земских касс мелкого кредита, так и для союзных организаций кооперативов. Но как только кооперация достаточно созрела, чтобы обходиться без благожелательной опеки и поддержки земства, земство должно очищать место для чисто кооперативной самостоятельности населения. Делая это, земство не только не терпит какого-либо ущерба, но, наоборот, достигает своей собственной цели — развития кооперации.

7

Война оказала, как и следовало ожидать, огромное влияние на русскую кооперацию главным образом в двух направлениях: благодаря созданному войной продовольственному кризису чрезвычайно выросла потребительская кооперация в деревне и особенно в городе; в то же время потребности армии в поставке огромного количества продовольственных продуктов повели к развитию кооперации по сбыту, чему содействовало и разрушение частной капиталистической торговли, вызванное переходом в руки государственных организаций важнейших отраслей торговли. В том же направлении — в направлении развития кооперации по сбыту — действовал и третий фактор, связанный с войной, — затруднения внешней экспортной торговли многими сельскохозяйственными продуктами.

Продовольственные нужды армии поставили правительство в необходимость обратиться к кооперации за поставкой необходимых продовольственных продуктов. Однако агенты власти очень мало сделали для того, чтобы привлечь кооперативные учреждения к таким поставкам, и потому результаты получились не вполне удовлетворительные. Где правительственные уполномоченные пошли навстречу кооперативам, там получила широкое развитие и кооперативная поставка хлеба. Так было, например, в Орловской, Тульской, Тамбовской губерниях, в Области войска Донского, в Херсонской губернии, на Кубани, в Сибири. Сбытом хлеба, как общее правило, занимались кредитные товарищества, объединенные в союзы. В 1916 г. кооперативы объединяли около 17 % всех хлебных поставок на армию.

Кроме хлеба кооперативы поставляли в армию масло, сено и многие другие продукты. Очень оживленно работали кооперативы в области поставок на армию кустарных изделий —

преимущественно сапог.

Так как для развития деятельности кооперативов по сбыту на нужды армии необходимы союзы, то правительство было вынуждено отказаться от своей прежней политики — неразрешения союзов, и новые кооперативные союзы стали возникать в большом количестве. Уже в 1915 г. возникло 64 новых уставных союза и 120 действительных объединений. К концу 1916 г. было уже свыше 320 союзных объединений. К 1 октября 1917 г. по подсчету Совета всероссийских кооперативных съездов было уже 612 союзов, из них 3 центральных, 140 союзов кредитных товариществ, 171 потребительское общество, 31 союз по сбыту, 31 — по закупкам, 210 — смешанных.

Среди кооперативов по сбыту получили мощное развитие кооперативы по сбыту льна. Лен является продуктом крестьянского хозяйства северных районов России. Война чрезвычайно затруднила экспорт льна и этим поставила крестьян-льноводов перед необходимостью самим наладить экспорт льна. Эта трудная задача была блестяще разрешена кооперацией.

В 1915 г. возникла центральная организация по сбыту льна — Центральное товарищество льноводов, которое быстро объединило сотни тысяч льноводных хозяйств в 11 губерниях — Псковской, Тверской, Смоленской, Новгородской, Ярославской и др. Этот новый кооперативный союз с самого начала поставил себе широкие задачи не только сбыта льна на заграничном рынке, но и снабжения льноводов семенами, удобрениями, машинами и другими средствами производства. Успех этого союза был необыкновенно быстрым. К январю 1918 г. в товарищество входило 47 союзов и кроме них 132 отдельных кооператива. Всего в товариществе было объединено до 0,5 млн. крестьянских льноводных хозяйств в 19 губерниях. За 1917 г. товарищество сбыло около 1 млн. пудов льна, что составляет 1/10 всего льна, сбываемого на рынок русским крестьянством. Посевных семян льна товарищество приобрело для своих членов в 1917 г. 247 тыс. пудов. Большая часть продаваемого товариществом льна сбывалась непосредственно в Англию, Францию и Японию.

8

В дореволюционное время кооперация была единственным широким общественным движением, объединившим народные массы. Никаких других форм организации народных масс при самодержавии почти не существовало. Не только не было политических организаций, но и профессиональные союзы почти отсутствовали; таким образом, кооперация приобретала совершенно исключительное значение и выдвигалась на первый план в качестве общественной силы.

Революция в корне изменила это положение дела. Разного рода общественные организации стали развиваться с быстротой прямо изумительной и через несколько месяцев после революционного развития народные массы России оказались сплоченными и связанными в самые разнообразные общественные объединения.

Наряду с этим, хотя и в гораздо слабейшей степени, шло и объединение народных масс в политические партии.

Какова же была роль кооперации среди новых объединений, той самой кооперации, которая до революции имела такое доминирующее значение в организации народных масс? Не подлежит сомнению, что относительное значение кооперативного движения, в ряду других общественных организующих сил после революции чрезвычайно упало.

Кооперация не только не сыграла в революционный период первенствующей роли в общественной жизни народных масс, но на революционной арене была как-то мало заметна.

И это был не только обман зрения столичного жителя, оглушенного шумом и грохотом политических событий революции.

Нет, и на местах роль кооперативов в общественной жизни очень сузилась и потускнела.

Руководители кооперативов, которые раньше были наиболее видными деятелями местной жизни, теперь были оттеснены на задний план новыми людьми, выдвинутыми революцией.

Вообще можно сказать, что русская кооперация не оказалась сколько-нибудь заметным фактором русской революции. И это нисколько не удивительно. Кооперация по самой своей природе сила не разрушающая, а созидаящая. Правда, при известных условиях и кооперация может явиться революционной силой как центр организации народных масс. Но русская революция произошла так внезапно и так быстро, что народным массам не пришлось организоваться для победы и надобности в кооперативных объединениях для целей революции не оказалось.

С другой стороны, хотя революция и выдвинула целый ряд задач творческого характера в области новой организации народного хозяйства и народного труда, но для разрешения этих задач было сделано крайне мало.

Поэтому и с этой стороны кооперация не смогла сыграть сколько-нибудь заметной роли в процессе революционного пересоздания России.

В конце концов приходится констатировать, что в русской революции кооперация оказалась отодвинутой другими общественными силами с исторической авансцены и ими как бы затертой.

В самой кооперации революция вызвала глубокие изменения.

До революции наша кооперация была преимущественно сельской, развивавшейся под опекой государственной власти. Огромный рост кредитных товариществ за последнее десятилетие, поставивший Россию по числу членов кооперативов на первое место в мире, был создан главным образом правительственной опекой.

Революция это положение совершенно изменила. Наша кооперация стала совершенно свободна и получила возможность идти тем путем, который сама себе выберет.

И хотя революционный взрыв отвлек от кооперации общественное внимание, уже теперь явственно намечаются новые пути развития нашей кооперации.

Немедленно после революции, в апреле, состоялся в Москве Всероссийский съезд представителей кооперативных объединений, создавший всероссийский кооперативный центр в Москве — Совет всероссийских кооперативных съездов с задачами сплотить русское кооперативное движение в одно национальное целое⁷⁹.

Однако Московский кооперативный съезд еще шел в старых дореволюционных рамках русского кооперативного движения.

На московском съезде имели огромное преобладание представители сельской кооперации, и при этом кооперации кредитной. Пролетарская кооперация была представлена более чем скромно.

И это было вполне естественно, ибо в дореволюционной России независимая пролетарская кооперация играла ничтожную роль. Самодержавие имело все основания опасаться организации пролетариата, и даже самые далекие от политики учреждения, членами которых являлись фабричные рабочие, оказались опасными.

Революция привела к быстрому росту пролетарской кооперации.

Наша дореволюционная кооперация стремилась сохранить внеклассовый характер и объединить в одной национальной организации все ветви кооперативного движения — как кооперацию крестьянскую, так и пролетарскую и мелкобуржуазную.

Московский кооперативный съезд в апреле еще целиком продолжал эту традицию. Он стоял на внеклассовой позиции и исходил из понятия кооперативного движения как единого целого.

Однако жизнь скоро показала, что свободная кооперация не может не обнаружить свои классовые черты. Всероссийский съезд пролетарской кооперации в Петрограде был чрезвычайно поучителен в этом смысле⁸⁰.

Оказалось, что и наше кооперативное движение утрачивает свое единство и идет тем же путем, как и на Западе, где каждая из трех ветвей кооперативного движения — крестьянская кооперация, пролетарская и мелкобуржуазная — имеет свои особые объединяющие центры и преследует свои особые задачи и цели.

Тем же путем, по-видимому, пойдет и наша кооперация, получив полную свободу своего самоопределения.

Что касается крестьянской кооперации, то ей предстоит в грядущей крестьянской России, без сомнения, блестящее будущее.

Но пока крестьянская кооперация с прекращением правительственной опеки, ликвидацией Управления по делам мелкого кредита и прекращением деятельности инспекторов мелкого

кредита переживает трудные дни. Как показало совещание инспекторов мелкого кредита, состоявшееся в Петрограде в конце июля 1917 г., многие деревенские кооперативы находились в полном расстройстве, а в некоторых случаях даже были закрыты местными революционными организациями.

Конечно, все эти временные затруднения переходного времени скоро будут преодолены, и кооперация займет почетное место в строе новой России.

Версия #4

Зверобой создал 9 июля 2025 15:14:06

Зверобой обновил 9 июля 2025 20:27:27